

Александр Дерюгин, Симферополь

ТВОРЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА: НОВОЕ – ИЗ СТАРОГО

РЕФОРМА, КАК ЛЕЧЕНИЕ, ДОЛЖНА ПЕРЕВОДИТЬ БОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЗДОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА, БОЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗМ В ЗДОРОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ, А НЕ В КАПИТАЛИЗМ. А ЕСЛИ СОЦИАЛИЗМ ОДНОСТОРОННИЙ, ТОГДА ЕГО ЛЕЧИТЬ НЕЛЬЗЯ, ОСТАЕТСЯ ВЫБРАСЫВАТЬ...

С

только юбилеев, знаменательных дат было отмечено в минувшем году, но самое трагичное – ГКЧП. Попытка остановить развал страны... Нужно было движение, реформа. Какая? Никто не знал,

ни ГКЧП, ни Горбачев. Отсюда неуверенность, страх и провал. А противники ГКЧП знали, что делать. Разрушить социализм и жить, как на Западе: смотрите, там хорошо живут без коллективизма, Советов, знают, что хозяин - это собственник. Перейдем к частной собственности, и мы так будем жить, и государство построим с демократией как в США.

Ключула на эту наживу, прежде всего, образованная часть общества, интеллигенция. Новым поколениям наших людей, не знавших, что такое капитализм, захотелось потрогать его руками, как дети огонь, чтобы узнать, что это такое. Погиб Советский Союз, погиб как Титаник, не потому, что был худшим, а наоборот, как и Титаник, был лучшим. Построенный на фундаменте морали братства, коллективизма, совместимых с христианской моралью. С бесплатной медициной, образованием, жильем...

Неужели не было другого альтернативного пути? Был. Сам Егор Гайдар после шокотерапии в обсуждении за круглым столом признал: "У нас была возможность пойти китайским путем, но мы ею не воспользовались". В самом деле, во время советско-американского симпозиума в 1991 году, еще до шокотерапии, обсуждался вопрос, каким путем делать реформу. На нем было высказано мнение совершенно неожиданное для Западных и американских советников и нашей научной элиты.

Напомню. Присутствующий на симпозиуме японский миллиардер, живой участник японского экономического чуда, – о нем тоже говорилось на симпозиуме – сказал: "Вы не сказали о главном. В 1939 году вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. В 1949 году вы стали еще умнее, а мы пока оставались дураками. А вот в 1955 году мы поумнели, а вы превратились в пятилетних детей. Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей.

С той лишь разницей, что мы при капитализме более 15 процентов роста никогда не достигали, вы же при общественной собственности на средства производства достигали 30 и более. Во

всех наших фирмах висят ваши лозунги сталинской поры".

После 1956 года мы так считали: построим материальную базу, и коммунизм сам из нее появится. Тогда безраздельно господствовал лозунг: материальное первично, бытие определяет сознание – дважды два четыре марксизма.

Таваяма, как видим, разделил наш социализм на тот, что был до 1956 года (я прибавил год, с XX съезда) и тот, что был после 1956 года. По его мнению, первый социализм был здоровым, и мы были умными, второй социализм был больным и мы больными, дураками, малыми детьми. На первом месте он ставит ум людей, а не систему. Выходит так: больным социализм был потому, что мы были больными, дураками, а здоровым потому, что мы были здоровыми, умными. Эта установка вопреки материализму, т.к. сознание принимается первичным. Почему правильно только так: социализм, как система, заболел, поэтому и мы заболели? А не так, как у него: мы заболели, поглупели, а потому и социализм заболел. Вначале мы, а потом система. В этом случае, не социализм виноват, а мы виноваты, а в первом случае мы не виноваты, виновата сама система социализма. Так что приходится отойти от старого лозунга и включить противоположный – "сознание определяет бытие", не отрицая и не выбрасывая материалистический, противоположный ему "бытие определяет сознание". В данном вопросе определяющим выступает сознание, а не бытие.

Итак, мы приходим к выводу, что социализм должен быть построен на двустороннем основании: материальном и духовном, а когда первично то или другое из них, определяет конкретная реальность, а не догма. Как человек, общество, социализм может находиться в двух состояниях: здоровом или больном. Больной социализм нужно превратить в здоровый – значит лечить, а лечить, чтобы вылечить. В двустороннем социализме так ставится вопрос, а не выбрасывать на свалку и брать вместо него капитализм. Иначе говоря, социализм это не одно существительное, а существительное с прилагательным: "больной" или "здоровый", плохой или хороший.

Сошлюсь на крупный авторитет в диалектике Н.Г. Чернышевского. В 1860 году комментируя работу "Демократия в Америке" американского философа Токвилля, Чернышевский пишет о нем: "Пускается человек философствовать, а не знает, что если к существительному прибавлено прилагательное, то противоположное будет относиться не к

существительному, а к прилагательному. Например, если вы уже сказали: добрый человек, то противоположное будет: злой человек, а не птица".

Получается у классика: реформа, как лечение, должна переводить больного человека в здорового человека, больной социализм в здоровый социализм, а не в капитализм. А если социализм односторонний, одно существительное, тогда его лечить нельзя, а остается выбрасывать. Односторонность – или хорошо или плохо, третьего не дано. Если в больном социализме изменить существительное, то это революция. Переход к капитализму. Дэн Сяопин создал гибрид социализма с капитализмом, но сохранил гегемоном социализм, а капитализм сделал наемным работником социализма (об этом рассказано в моей работе "Между Сциллой и Харибдой", опубликованной в журнале 02.06.2011).

Следовательно, в Китае была реформа, у нас в 90-х революция, точнее – контрреволюция. Так говорит теория, впрочем, многие люди до этого давно догадались. Наши реформаторы, т.е. революционеры наоборот, не знали, что делали, не знали диалектику. Как они могли ее знать? Диалектику выбросили после 1956 года. Диалектика это метод построения социализма. Это постулат марксизма, он входит, как один из четырех основных принципов Китайской реформы, которые сохраняются ею незыблемыми. Не в этом ли причина нашего умственного падения? Тавайма только констатирует факт нашего умственного падения после 1956 года. Нам должна интересоваться причина этого падения, чтобы ее устранить и перейти к умственному подъему. Вот о какой задаче идет речь.

Да, диалектика допускает первичность материального над духовным, но допускает и противоположное (Гегель не был материалистом), наконец, допускает и компромисс, согласие и борьбу между ними в силу закона диалектики о единстве противоположностей. В определенных вопросах, эпохе, может быть правильным, как раз наоборот, признать первичность сознания, а не материи. В такой постановке, независимо от царствующей сейчас в нашей жизни догмы материализма, я буду рассматривать данную задачу.

Итак, мы выбросили диалектику, а Китай сделал наоборот – ввел диалектику, чтобы отойти от односторонности в период культа личности. Первое, с чего начал Дэн Сяопин реформу в Китае, выдвинул лозунг: "Истина не то, что сказал Мао, а диалектика". Против культа личности,

односторонности, такое именно лекарство и нужно. Перейти к расширенной правде – вот, что было нужно. Это значит поумнеть. Экономика первична, объективна – у нас это постулат такой же, как Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, или, как дважды два четыре, а не пять. А Дэн начинал с диалектики. Вначале мысль – как делать, каким методом – ведь метод социализма есть диалектика, а потом делать и экономику. Поумнеем, тогда и экономику поднимем. Итак, не с экономики, а, наоборот, – с сознания начинать.

После слова началось дело – кадровая реформа (чистка) в КПК. Кадры решают все! Новые, обновленные, кадры сделали экономику новой. Наш советский социализм был больной, его нужно было лечить. Какой орган был болен? Больна была КПСС, болен водитель, а не автомобиль. Лечить следовало КПСС, но не выбрасывать ее, больных не выбрасывают, а лечат. КПСС больна, потому что забыла, что ее метод – диалектика, и выбросила ее. Вы можете не согласиться и сказать – оторвалась от народа КПСС – вот в чем ее болезнь, а не в диалектике дело. Я возражаю: а почему оторвалась от народа? Потому, что нечего было сказать народу. Слова отошли от содержания, от первоначального их смысла, обесценились, как деньги в инфляцию. Люди перестали им верить. Лозунги стали формальными. Слово "коммунизм" после Хрущева потеряло смысл.

Слово оторвалось от смысла, – главное слово, и другие слова за ним. Так же, как слова, так и коммунисты потеряли цену. Что они могли сказать новое людям? – вот и оторвались от них. Сказать что-то новое о коммунизме нужно было, а для этого нужен метод, который рождает новое из старого – диалектика. Ведь перейти к противоположному – как это делать – ее назначение. Мы становимся плохими, потому что не можем быть хорошими. Переходим в противоположное. Каждый делает то, что может, а не то, что хочет.

На крутых поворотах, чтобы быть просто честным, надо быть героем. Опять переход в противоположное качество – диалектика. Кто только у нас не ругает Горбачева. А кто бы, будь на его месте или на месте ГКЧП в то время, смог бы остановить падение, когда стольким захотелось упасть? Для того чтобы ответить на такой вопрос, нужно знать причину падения, причину болезни. Тогда узнаем, что нужно делать – опять вначале сознание, потом дело. Дэн нашел причину в Китае – надо поумнеть, изменить сознание, перейти на диалектику. На

первое место поставить сознание, а не бытие. Не вообще, а в данный период истории. И это он сказал в беднейшей стране. В то время у нас, совсем не бедных, реформаторы твердили – экономика, экономика, экономика.

А что делать теперь, когда нет ни социализма, ни КПСС, выбрасывать нечего?

Сейчас вернуться к социализму хотят многие, но если возвращаться к социализму, то к здоровому, а не больному. А признать причиной болезни умственное отставание, как признал Таваьяма, не позволяет все та же догма материализма. Мне скажут: "При чем здесь ум", он же вытекает из бытия, лечить бытие, экономику надо. Вот это предубеждение нужно преодолеть. Умный, как говорят, гору обойдет. Кадры решают все. Но вначале нужно признать, что общество больно. Руководство не любит это признавать. Ю.В. Андропов признал, что "мы не знаем общество, в котором живем". А жили при социализме. Получается: мы не знали социализма, в котором живем. Не знаем, что такое социализм. Честное признание Андропова – это шаг вперед, – признание болезни. Значит, надо лечиться, а не говорить – все хорошо.

Копировать Запад – тогда не нужна диалектика, русская идея. Наоборот, они препятствуют. Мысль Андропова, перефразируя, надо понимать так: мы не знаем, что такое диалектика. Ведь это метод строительства социализма. Но надо признать: отказались от нее потому, что она стала мертвым учением, остановилась, перестала развиваться, превратилась в догму. У нас были институты общественных наук, академии при ЦК, но диалектики тогда уже не было. Как же исчезла диалектика? Марксистская диалектика - это гегелевская диалектика, а чтобы разобраться в ней, надо было изучить немецкую классическую философию. Это под силу единицам. А чтобы применять ее в России, нужен был перевод ее на русскую почву, ибо, "что верно для немца, то для русского..." (Пушкин).

Склад ума различный у немца и русского. Какую-то роль учебника по диалектике выполнял учебник под редакцией Сталина по истории партии, одна глава в нем была о диалектике, как о методе строительства социализма. Этой главе едва ли по силам было выполнять свою роль, но без нее было бы еще хуже, лучшего не было. После 1956 года, этого учебника не стало, другие созданы небыли, если не считать толстые рыхлые книги, изложенные учеными методом заговаривания общих

мест, без примеров. Нужна была отечественная разработка диалектического метода с опорой на нашу культурную традицию. Я называю такую диалектику двусторонней правдой или русской идеей. Начинать учение ее следует с азов так, как возникает новое из старого. Ведь в этом смысл самого учения. Как рождается нечто и умирает.

Как возникает новый организм, человек? В синтезе двух противоположных начал, женского и мужского. Так возникает все новое, в синтезе двух противоположностей. Эти противоположности несут с собой две правды. Из двух этих правд в синтезе возникает новая правда, синтез-правда, или двусторонняя правда. Она может быть в конкретных условиях, как правдой одной противоположности, так и другой в других условиях, а может быть их гибридом.

Двусторонняя правда дает возможность рассмотреть двусторонний социализм. В нем две стороны: одна сторона его есть социализм, построенный по модели Маркса, на первом плане которого материальное производство. Мы его прошли: индустриализация, коллективизация, когда была создана материальная база социализма. Генеральной проверкой его явилась Великая отечественная война, которую этот социализм выдержал и одержал великую победу. Какая может быть вторая сторона? Противоположная первой, духовная нравственная. Но только надо учесть, что в социализме до 1956 года была сильна и нравственная сторона, коллективная мораль, Советская мораль. Она представляла вторую духовную сторону, но подчиненную первой стороне.

Маркс и Энгельс предупреждали, что их учение неполно, нравственную сторону его они не успели разработать. На этой другой стороне, не разработанной Марксом, производство должно подчиняться нравственности, которая уже не есть раба производства. Бытие определяет сознание одна правда, противоположная – сознание определяет бытие – обратная связь, вторая правда. Обе правды соединяются в единстве в одну широкую правду, по закону единства противоположности. Так, на первое место на определенном этапе развития социализма выдвигается не материальное производство, а нравственная идея справедливости. Всеобщее бесплатное образование, бесплатное здравоохранение – это реальное, материальное, выражение справедливости.

Эта идея становится громадной силой в обществе, в том числе громадным стимулом и материального производства.

На этом этапе человек, его взаимоотношения с другими людьми, нравственный закон справедливости, сознание определяет бытие, становится главным. Гибкость диалектики проявляется, когда случится кризис, катастрофа на одном пути, тогда по второй стороне, как по второму пути можно объехать первую сторону; один путь для другого есть объездной, как эстакада.

Двусторонняя правда, как автомобиль, ведомый водителем, умеющим переключать, когда нужно, скорость одну или другую и даже промежуточную. Двусторонний социализм, как двусторонний автомобиль, может преодолевать пробки, катастрофы на том или ином из двух путей одной широкой дороги. В автомобиле больше двух передач скоростей. Аналог его – многоуровневый социализм. Современная цивилизация, в которой господствует материальное "бытие определяет сознание" породила на своем пути экологический кризис, за которым следует катастрофа.

Выход из кризиса дает обходной второй путь, вторая правда – сознание определяет бытие. Это мысль Достоевского. В этом случае люди становятся чище, а как предсказал Достоевский: "чистые люди сделают природу чистой". Достоевский шел от человека к экономике – человек русской идеи, автор ее названия, знал, в чем корень проблемы. Такой двусторонний социализм решает экологическую проблему.

Вспомните, когда у нас до 1956 года по всей стране высаживали на полях громадные лесные полосы, чтобы защитить почву от эрозии – тогда земля имела одного хозяина – государство, и это считалось справедливым. Из неё, из справедливости, вытекало бытие – наличие одного хозяина недр, земли. Из сознания вытекало бытие и в этом случае. Справедливость – это двусторонность: взял – отдай. Сравним: в США громадные песчаные бури разрушали и разрушают почву и становятся национальным бедствием – нет единого хозяина земли, частное владение землей. Несправедливость: берем и не отдаем. Справедливый капитализм – а такой может быть? Да, но это другая справедливость, потому что есть две противоположные правды, по одной – справедливость в равенстве, по другой – в неравенстве. Разве каждому воздать по его заслугам – несправедливо? Скажут – вот это справедливость, а не первая. Команда забила гол, или один забил? А

другие не забили, ведь игра командная? Отделять одних от других – это может стать большей, великой несправедливостью.

До синтеза этих двух правд еще не пришло время. Была Великая депрессия в 1929 – 1933 году. Тогда Ф. Рузвельт сумел умерить жадность американского капитализма с помощью социалистической диеты и вылечил умирающий капитализм США двусторонним методом, вылечил с помощью нашей справедливости: сильный помогает слабому, богатые американцы поделились с бедными. Как только капитализм вылечился, стал здоровым, он стал снова несправедливым по нашей двусторонней мерке, русской идее, но он стал справедливым по их мерке, в неравенстве.

У нас и у них разные, противоположные правды. Поэтому они нас не любят. Любят только свою правду, узкую, одностороннюю. Теперь, они начали новую мировую депрессию. Мы помним, заявление президента Абама, как он думал выходить из нее. Отойти от доллара спекулянта, потерявшего всякую меру – деньги делают деньги – к труженику (к почти труженику). Перейти к "почти" бесплатному здравоохранению и "почти" бесплатному образованию ("почти" – слово Абама). Как Рузвельт решил лечить капитализм социалистическим лекарством. Прямо как переход к социализму "американскому" на другую справедливость. Но это оказалось обещанием. Быстро понял президент, что сделать это очень трудно, нужно страдать, а это не для них. И пошел привычным путем – включил долларовой станок, возвращаясь к доллару спекулянту. Сделал он так не потому, что он "плохой", а потому, что "хорошим" стать не смог. Диалектика. Но кризис еще впереди, что дальше, не то ли лекарство спасет их и на этот раз? Великий парадокс истории: Октябрь 17 года спас не только Россию от гибели, но и США во время великой депрессии, а потом и Запад от фашизма. Китай принял эстафету и уже спасает Америку и Запад.

Как же понимать двусторонний социализм, такой, который признает первичным сознание? Справедливость – теперь фундамент его строения. Выражается она в коллективизме. В индивидуализме тоже выражается справедливость таким образом. Один человек тоже коллектив, вырожденный случай. Справедливость его выражается в самоуправлении, независимости, сам творит свою судьбу, хозяин ее: законодатель, исполнитель, судья одновременно. Действительно, в

самоуправлении: приказал ты и исполняй ты и контролируй себя сам, это тот же вариант взял – отдай. Коллективизм – душа социализма. Так и было до 56 года в нашем социализме. Но и тогда, как было сказано, социализм был по большому счету двусторонним, это потом он стал односторонним, когда соревнование, стахановское движение и прочие духовные стимулы стали формальными, а вместо них после 56 года главным провозглашен принцип материальной заинтересованности.

Коллектив – это группа людей, между которыми устанавливается отношение "как одна семья". Такой союз, когда чужие люди становятся не чужими, чужое становится не чужим, мое становится нашим (переход в противоположное). Социализм это продолжение коллективных отношений типа одна семья во все области жизни общества, всей страны. В этом его смысл и в этом его цель. Человек становится хозяином в коллективе, как член семьи, это его родное место, он хозяин в такой стране, построенной на коллективной основе. Хороший коллективизм порождает хороших хозяев, плохой дает плохих хозяев. Вся страна строится как большая самоуправляемая семья, как продолжение малой семьи (самоуправление определяем соединением трех властей в одну под названием Советской власти). Связь между семьей и коллективом двусторонняя (диалектическая). Первая с помощью расширения определяет вторую, и теперь обратно вторая, уже расширенная, определяет первую то же расширенную, затем новое расширение второй, а из нее новое расширение первой и т.д., поэтому замкнутого круга нет. Все остальное следует выводить из семьи, ее продолжением, расширением. Но у нас это все было, особенно до 56 года, потому что коллективное сознание и тогда было важнейшей чертой нашей жизни, определяющей была материальная сторона - защита страны.

Теперь можно привести пример того, как экономика определяется из сознания.

Таваяма представитель японского экономического чуда. Американцы долго думали, как случилось, что японцы смогли их обогнать в экономике. Когда поняли, объяснили японское чудо, в чем японцы выше американцев, с помощью парадокса: каждый из десяти американцев на голову выше каждого из десяти японцев, но десять японцев выше, чем десять американцев. Из него следует, что коллективность японцев выше, чем у американцев, а индивидуализм выше у американцев. Проблема коллективного и

индивидуального. Свой коллективизм японцы внедрили в производство в фирмах типа семья. Напомню как. Во-первых, отказались от оплаты по труду: рост зарплаты рабочего зависит только от возраста и стажа работы. Как в семье: начните определять доход между членами семьи по труду все станут чужими, семья распадется. Во-вторых, бессрочный наем на работу в фирму: прежде, чем принять на работу, долго проверяют, но, но когда приняли, то навсегда. Так же выбирают мужа и жену в трудовых семьях. Людей не увольняют, также как в семье. У нас говорят: "там", кто плохо работает, выгоняют, потому хорошо работают; наоборот, в фирмах хорошо работают потому, что не выгоняют; но выбирают, когда берут на работу. И в этом подход от сознания, не от экономики. В третьих, профсоюзы создаются внутри фирмы, а не вне ее. Почему? Как в семье: на родителей не жалуются чужим, а, значит, судебную власть не отделяют от законодательной и исполнительной власти.

Вот эти три особенности японского чуда. Поэтому внутри фирмы – коллективная ответственность, как в семье, все принимают участие в управлении, в том числе "кухарки", важно не делить людей на управляемых и управляющих, такими их делает работа в фирме; управляющие часть времени работают как рабочие, как управляемые. Внутри фирмы никакой конкуренции, как в семье, а вместо конкуренции организуются соревнования: бережливости, рационализаторства, преданности фирме; устраиваются коллективные праздники, юбилеи, доски почета. Так срастается "мое" с "нашим", продолжается первое во второе, так получается японский хозяин фирмы, хозяин не частник, а коллективист. На первый план в производстве фирмы была не внешняя цель – прибыль, как в американском производстве и советском после 1956 года (реформа Косыгина), а внутренняя цель – само производство: организация между работниками гармоничного отношения в процессе работы типа одна семья по-японски. Должен выполняться главный общинный, коллективный принцип труда – превыше всего гармония частей и целого, как у китайцев гармония "ян" и "инь".

Таким образом, в японских фирмах экономическую систему подчиняют людям, а не людей подчиняют системе. Экономика подчинена японской идее общинной нравственности, отношению "как одна семья". Первично сознание над бытием. Знание этой идеи и построение на ее основе экономики – была главной задачей создателей японского чуда.

Поэтому японская экономическая система фирм типа семья – это нравственная экономика, пример экономики, когда "сознание определяет бытие" становится определяющей стороной ее. Материальный успех, экономический успех, есть результат успешной работы нравственной стороны производства.

Конечно, эта система имеет изъяны. Американцы смогли задержать и приостановить ее рост, навязав свою банковскую систему японским банкам. Главный же минус японской системы – японский общинный коллективизм ограничен пределами данной фирмы. За ее пределами он переходит в жесткую конкуренцию между фирмами, напоминающую дедовщину, или конкуренцию футбольных фанатов. Поэтому солидарность, братство людей не распространяется за пределы фирмы на всю страну, как было в СССР до 56 года. Нельзя говорить, что японская система это победа коллектива над индивидуальностью. В этой системе как раз осуществлен удачный синтез коллектива и индивидуальности. Организаторами общинного коллективного труда в фирме являются менеджеры, лидеры.

Это их главное назначение, а не купи – продай, как у наших менеджеров. Японские менеджеры выполняют ту же роль, что в семье родители. Ту же роль на производстве, в армии у нас выполняли коммунисты в период здорового социализма до 1956 года. Это был промежуточный слой людей между законодателями и исполнителями, нужный как механизм исполнения решений, на пути сверху вниз: они их разъясняли и вели за собой людей выполнять эти решения под началом – делай, как я. Менеджер японский нанят в фирме пожизненно, у него, поэтому есть стимул заботиться о будущем производства, заботиться о внедрении новаций, новых технологий в отличие от американцев, которые живут сегодняшним днем под нажимом закона прибыли, прежде всего. Поэтому японцы могут снять с производства продукцию, еще конкурентную, приносящую прибыль, но уже надоевшую для работников. Они теряют интерес, делая одно и то же, приходится вводить новую модель, чтобы создать стимул, интерес к работе. От скуки устают больше, чем от физической нагрузки. Как видим, это психологический стимул, фрагмент действия лозунга – сознание определяет бытие, а не погоня за материальной выгодой противоположного лозунга. Такая работа воспитывает людей работать на совесть. Хорош или плох человек, у японцев

зависит от его собственных качеств меньше, чем от позиции его к окружающим его работникам в коллективе "как одна семья". А из хорошей семьи, по японским понятиям, выходят хорошие люди, из плохой семьи плохие.

Сопоставьте с нами. Японцы владеют своей японской идеей так, что она для них есть руководство к действию, рабочий инструмент, сознательно применяют ее в работе, ей они обязаны успехом, названным японским чудом, а мы ничего дельного не можем сказать о русской идее. А ведь у нас есть Ломоносов, Пушкин, Толстой, Достоевский. Ломоносова надо ставить впереди вот почему. Он открыл, гораздо раньше Запада, главный закон точного естествознания, закон сохранения: "Все перемены в натуре встречающиеся, такова суть состояния, что в одном месте убудет, то в другом – прибудет".

Это же закон синтеза русской идеи: взял – отдай, сколько взял, столько отдай. Закон равенства, справедливости. Он внес, тем самым, русскую идею в физику и химию. Эту мысль продолжил в химии Менделеев. Общинный дух, коллективный дух внедрил в химию, объединив химические элементы в группы: ряды и периоды, вскрыв их позиционную природу. Свойства элемента больше зависят от относительного положения его в группе элементов, чем от его собственной индивидуальной природы. Поэтому таблица элементов предсказывала новые элементы. Сравните: положение японского рабочего в фирме аналогично, позиционно, больше зависит от окружения в фирме-семье, чем от него самого. О японском чуде замечательно рассказал В. Цветов "Пятнадцатый камень сада Рёандзи".

Японский путь получил продолжение. Четыре азиатских тигра пошли тем же путем нравственной экономики. Процветание Южной Кореи связано с идеологией "Самсунг": интересы завода выше личных интересов. Пример Японии и ее последователей показал, что человек должен стоять впереди экономики, может случиться и наоборот, но они сумели перейти от односторонней экономики к двусторонней. На Западе – экономика управляет человеком, она первична, объективна, – там такой закон, но и они, так или иначе, перешли, как Швеция на социалистический механизм: солидарная заработная плата рабочих. Конечно, все дело в синтезе прямой и обратной связи, равновесии, гармонии обеих сторон, материальной и духовной, а это и есть справедливость – главный стержень коллективно-индивидуального механизма,

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

но в конкретное время приоритет того или другого должен быть точно определен.

Таваяма прав: японцы применили весь наш опыт творческого периода социализма, и развили его; опыт наш периода после 56 года, они, как и в Китае, не перенимали. Его китайцы считали неверным, тупиковым, и оказались правы. Таваяма не объяснил, как же они пришли к этому японскому чуду, как они поумнели. А мы знаем как: в результате крупных военных поражений у озера Хасан, Халхин-Гол в 39 году, в 45 году в Монголии и Манчжурии от Советского социализма. Поумнели от несчастья, а не от счастья. Японцы поумнели тем же способом, каким и Советский союз поумнел за первые два года после жесточайших поражений в войне с Вермахтом. Не было счастья, несчастье помогло.

Опять двусторонность, но неуправляемая. А разве наука не могла предсказать? Пока в самой науке, в ее методе, в ее аппарате, не будет содержаться противоречий и метода их преодоления – это будет бумажная наука и опираться на нее нельзя. Наука не должна убегать от противоречий, наоборот, должна догонять их и преодолевать и разрешать их. Лозунг Дэн Сяопина: "Не бойся ошибок", лозунг диалектический, оказался исключительно плодотворным в Китае. В противном случае всегда будут реальные катастрофы, как произошло у нас, в обществе с опорой на науку, в которой исключаются и избегаются противоречия, конфликты. Это односторонняя, больная наука. Двусторонняя наука, диалектика – это наука о противоречиях, конфликтах и способах выхода из них.

Мы выяснили, в чем состоит наша отсталость и японское преимущество. Наше мышление одностороннее, а японцев двустороннее. У них сознание в единстве с экономикой, сознание управляет экономикой, у нас же сознание в подчинении экономике, поэтому вопрос, как поднять самостоятельность, инициативу работников стал у нас неразрешимым, так же, как и вопрос – как сделать человека хозяином – тоже неразрешим. Вспомните, какие дискуссии в перестройку проходили везде – как сделать человека хозяином? Победила точка зрения нашей науки, докторов и академиков: хозяин частник. А у японцев – отказ от наемного труда в фирмах, отношение – как одна семья – вот, что делает хозяина. Это они взяли у нас, а наша наука внедрила понимание хозяина времен Адама Смита. Догонять японцев, идя тем же путем, каким они идут, смешно. Они показали, что надо идти своим путем.

Для нас – это самый главный вывод, следующий из японского чуда. Экономика подгоняется к человеку, к его навыкам, привычкам, историческому опыту, психологии, менталитету.

Японцы знают, кто они, знают японскую идею, а мы не знаем, кто мы, не знаем русскую идею. Мы знаем, на чем они споткнулись и остановились. Не хватило широты их коллективизма, японская идея имеет конкретный размер, порог, за которым она не действует. Вот здесь и нужна русская идея, ее границы куда шире. Такой опыт коллективизации в масштабе огромной страны выстрадал наш народ и успешно испытал в войне. Из китайского и японского чуда следует: не экономика решает все, а кадры решают все. Экономическому застою, кризису предшествовал кадровый застой, кризис сознания, духовный кризис, кризис коммунистической идеи. Умственный застой предшествовал экономическому застою. Нужно было поднимать коммунистическое сознание, переходить на расширенное диалектическое сознание. Японцы в фирме использовали социалистическую идею, совместную со своей общинной японской идеей, японской диалектикой.

Исключительную роль в умственном падении нашей страны сыграла колмогоровская реформа системы обучения математике в школе в 60-70х годах, ставшая предтечей нынешней ЕГЭ. Суть реформы была – взамен отечественной системы перейти на формально-логическую систему обучения, которая по замыслу реформы должна была поднять образование в стране, умственный уровень учащихся школ и вузов на самый высокий уровень. Школьный учитель – не даром говорят – выиграл войну. Тот учитель, которого приготовила отечественная система обучения. Реформа, прежде всего математики, перевела обучение ее на дедукцию французского образца Бурбаки, в которой даже говорить о связи с жизнью было неприлично, ненаучно. И так стали учить в школе и в ВУЗе. Для нас примеры важнее правил, индукция идет впереди дедукции – это свойство русской идеи. Для Бурбаки – индукции нет места в математике, она строго дедуктивная. Только от общего к частному – научный путь. А кто будет задавать общую истину? Элита – там, наверху. Остальные – исполняют. Им, внизу, думать не дано. Так был заложен фундамент либерализма. Он взращен у нас реформой в умственной области, Она совершила переход в жесткую дедукцию, из которой самостоятельность, изобретательность учащихся могла появиться только вопреки

нее самой. Ее продуктом явился чиновник, знающий иностранные правила лучше своих, знающий, что Россия это часть Европы, только Западные ценности – истинные. Это наш либерал. А мы были удивлены, потрясены в 90-х чудом: превращением на наших глазах наших людей в либералов. Вот кого не смогли остановить ГКЧП. Не смог и Горбачев. Скажите – не хотел? Хотел, но не мог. Уже было поздно. Мы делаем не то, что хотим, а то, что можем – двусторонность. Либеральное сознание, выращенное у нас, потребовало изменение бытия, экономического базиса социализма, ставшего чужим для либерального сознания. Потребовало поменять на его родной фундамент – на капитализм. Вначале было слово, мысль, сознание, дух, а потом экономика. Вот как сознание определяет бытие. Низкое сознание определило низкое бытие. Как надобно было провести реформу обучения, не подавляя ум людей, а поднимая его до двусторонней правды, диалектической, рассказано в работе "Левая идея и русская идея" в нашем журнале. А высокое сознание определяет бытие высокое. Так выходят из кризиса бытия, экономики: поднимают вначале сознание, а как следствие поднимется экономика. Мы же отстали умственно и нравственно, сознание наше опустилось, социализму оно уже не соответствовало, поэтому был выбран более низкий образ жизни – дореволюционный – капитализм.

Противоречие между коллективным и индивидуальным, важнейшее в обществе людей. На тезис о порочности социализма, подавляющем личность, попался Гитлер. Начиная войну с СССР, он изучил противника, все его пороки и, прежде всего, жесткую бюрократическую систему управления Красной армией со стороны Центра, управления сверху вниз. При такой системе на местах внизу нельзя было говорить об инициативе и самостоятельности людей. Это проявилось в начале войны, такая жесткая система управления явилась главной причиной страшных поражений наших войск в этот период. Наши командиры и бойцы уступали немецким и в самостоятельности и в инициативе. Да и как они могли проявиться, если при появлении немецких войск, нашему командиру нужно было доложить об этом вышестоящему начальству, а тому своему начальнику и так по всей бюрократической лестнице, а потом ждать, когда приказ придет обратно к нему.

Такая мелочная регламентация центра убивала самостоятельность внизу. Угроза поражения заставила наше верховное командование под огнем противника

сделать реформу управления в ходе войны и превратить жесткое управление армией в гибкое, разделив управление между центром и командованием на местах внизу, т.е. перейти на двустороннее управление сверху вниз и снизу вверх. Коллективизм, освободившись от опеки сверху, был поднят на высший уровень, так же и индивидуальность: самостоятельность, инициативность бойцов и командиров. Русское чудо. Коллективизм Советский в результате реформы показал свои преимущества перед обществом индивидуализма. И победил.

Вот как объяснил победы и поражения немцев крупный военный специалист начальник генерального штаба германских сухопутных войск Франц Гальдер: "Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению. Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть".

Как видим, немецкий стратег признал, что управление советских войск в конце войны превзошло управление немецких войск, и в этом видит он причину поражения германских войск в войне. А управление это и есть военный ум. Хероси Таваяма сказал бы в таком случае: вначале немцы были умнее русских, потом русские поумнели и стали умнее немцев. Этот переход, правильно отметил Гальдер, не исследован. Наша историческая наука, рассказывает или о победном периоде или, как теперь, о поражениях, но пропускает момент, как произошел переход от поражений к победам (см. работу "Русское чудо в ВОВ" в нашем журнале). Вот какой вывод должны мы сделать из Великой Отечественной войны.

Вопрос остро был поставлен в критический момент войны: что важнее: какое оружие в руках солдата или, как он держит оружие в руках? Физическая сила или духовная сила важнее? Решено было в тот трагический момент поднять дух армии, прежде всего. Он оказался важнее

физической, материальной силы. Наполеон на вопрос, какая из сил важнее, сказал: "Духовная сила относится к физической в войне, как три к одному". Но не пять к одному. Физическая сила тоже важна. Не будь у нас тяжелой промышленности, духа не хватило бы даже, когда его подняли. Духовный кран вначале был закручен туго, вместо струи проходила капля, когда центр управления открутил кран так, что появилась струя, боевой дух стал здоровым. Как видим, во время войны важнее было сознание, человек, а не бытие, важнее, как солдат держит оружие в руках, чем, что он держит. Важнее, но в определенной степени, как, например, в коктейле Наполеона 3:1. Во второй половине войны мы и по вооружению превзошли немцев. Это ускорило победу наших войск в войне. Но решающее значение ум, умение – они были уже на нашей стороне, как признал Гальдер. Они были приобретены в ходе самой войны, научены в войне. Научение под огнем стоило нам очень дорого, вот откуда такие жертвы. Наша наука не может дать объяснения, как мы перешли из первого этажа, от поражений, на второй этаж победный? Какой лифт нас поднял? Гальдер говорит, что этот момент не исследован, и он не понимает, как это произошло. Наша наука тоже этого не понимает, не может отойти от формулы: "бытие определяет сознание", которая давно уже вышла за предел разумности: сила есть (сейчас газ, нефть) ума не надо. Не могут отойти от этой формулы наши либералы, их сознание не позволяет, оно очень узкое.

На предубеждение о порочности социализма попала и наша научная элита в перестройку 90-х. Вот, например, заслуженный ученый (акад. И. Р. Шафаревич) писал: "социалистическая идеология враждебна индивидуальности". Сказано без всяких ограничений, без исключений, односторонне. Так считают многие из интеллигенции? Напомню, что в Библии сказано: "Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые". Но Библия написана под началом не бытия, а сознания. Обществу потребления это понять очень трудно.

Опыт Великой отечественной войны, японского чуда, как мы видели, подтвердил первую роль сознания. У наших интеллектуалов "так" или "не так", третьего не дано – они формалисты, а у Наполеона, как видно – все дело в третьем – и то и другое вместе, притом в отношении 3:1 в пользу сознания – то, что нужно, нормально в войне. Наполеон был

диалектик. И погиб он как Советский союз: забыл другую правду, правду революции, что его сделала великим, стал бояться революции, народа, и засох на одной правде, той, против которой выступила революция, в результате стал слушать только себя. Это односторонность, а не диалектика.

Коллективизм и индивидуализм это проблема Целого и Части. Вот где нужен диалектический метод, двусторонняя правда. Мы уже знаем, военная реформа решила конкретную проблему части и целого. Центр, как целое, освободился от одних своих частей, передав их другому целому, власти внизу.

Когда-то Гегель задал вопрос, из каких частей состоит Аполлон Бельведерский? Если взять молот и бить им по статуе, разрушая ее на куски, тогда Аполлон состоит из глины, камней. Это односторонний подход. Каменная глыба действительно состоит из этих частей, а произведение искусства нет. А двусторонний подход? Нужно указать прямую и обратную связь между целым и частями. Кроме разрушения должно быть и противоположное, восстановление, то есть переход от полученных при разбиении частей к целому. Разрушай до тех пор, пока можно восстановить из полученных частей целое. Разбирай игрушку до тех пор, пока можешь собрать, говорят детям родители. Критикуй созидательно. Не кричи: "Долой", если нечем заменить. Когда хорошей пробки нет, чтоб заткнуть дыру, приходится использовать любую затычку. У целого есть части нормальные и фальшивые. Посмотрите, как физики разбирают фазотронами ядро атома все больше и больше, а когда они пойдут в обратную сторону, восстанавливать из таких "частей" ядро атома? Обратной связи нет, синтеза нет. Расщепление ради расщепления. Разрушать можем, а соединять, создавать, не можем. Загрязнение от радиоактивного стронция, цезия и прочих "частей" – беда. Это же отходы от расщепления ядра. Как же наука допустила расщепление атома без синтеза. Все равно, что сделать операцию больному – разрезать смогли, а зашить не можем. Разве это научный метод.

Таким образом, части определяют целое – одна сторона, и целое определяет часть – другая сторона. Для односторонней же системы это есть противоречие, замкнутый круг. Для двусторонней правды, чтобы построить целое нужно вначале построить его из фактов, потом оторвать это целое от них, поддержать его в голове под действием вымысла, в мечте, в воображении – это вторая правда целого.

А теперь снова соединить его с фактами старыми, появятся и новые, предсказанные этим новым целым, как у Менделеева в таблице. Изменилась позиция, изменились части, факты. Две шахматные пешки, например, в одной позиции имеют одно значение (позиция это их целое), изменилась позиция, изменилось целое, и они изменились, изменились их значения.

Каким молотом разбивали и разбивают наше прошлое? Показывают на осколки: вот факты, вот какой был Советский союз. Насилие, грязь, кровь. С близкой позиции любая картина кажется мазней. Такие же части, как у Аполлона, разбитого молотом. Советский Союз, как великое единое государство нельзя восстановить из тех частей, из тех фактов, которые представил Солженицын в "Архипелаге", и какие представляют его продолжатели. Действительно, стреляет по Сталину, большевикам, а попадает в народ.

Двусторонняя правда, диалектика не примет факты Солженицына, как историческую правду. Слишком важный этот вопрос для нашей жизни. Надо видеть две правды: одна явная, другая тайная. У одной цель – сохранить великое единое государство, такая позиция, такое целое, определяют факты "Архипелага" ложными. У другой цель – разрушить это государство, например, для США, Запада. Такая позиция, такое целое определяет другую правду, для нее "Архипелаг" правдив и факты его правильны. Вот вам и факты – упрямая вещь. Нашли позицию и они изменились. Наша победа в войне – самый упрямый факт, из него следует ложь Архипелага. Вот почему нашу Победу – результат войны в целом – хотя скрыть, убрать, заменить по фактам количества жертв войны. Судят не по результату, а по фактам. Так хотят убрать самую главную победу коллективизма над индивидуализмом.

А репрессии? Говорят: жертвы репрессий – это непроверяемые факты, их не оправдать. А позицию в целом: мотивы, время, обстоятельства не приводят. Получается односторонняя правда. Выставляют одну только правду фактов, не говоря уже о преувеличении, подтасовке их. А где вторая правда, то целое, позиция, смысл, цель, без которых невозможно факты оценить, без которых нельзя понять, что происходило в стране в 1937 году? Чем вызваны были репрессии? Тяжелейшим кризисом в партии. Начался он сразу после Октябрьской революции. Революция произошла в одной стране, а не во многих, как в теории Маркса – теории западной и для западных стран приспособленных, а не для России.

Пролетариат Запада не поддержал революцию, Россия осталась один на один с капитализмом. Из окопа выскакивает в атаку один и увлекает других, большевики надеялись увлечь – не вышло. Атака сорвалась.

Что делать? Куда идти? Идти вперед одному – нельзя. Вернуться в окоп? Готовится к новой атаке? А противник теперь будет начеку, тоже готовится. Страна бедная, отсталая. Большевики растерялись. Часть их во главе с Троцким считали, что революция в России невозможна без революции Запада, поэтому нужно ждать революцию на Западе, и подстрекать ее всеми способами. Запад, мол – целое, Россия – часть его. Другая часть, во главе со Сталиным считала – Россия сама по себе, не часть Запада. Раз не получилась революция вместе с Западом, тогда не ждать, что Запад поможет, начнет революцию, а продолжать революцию социалистическую самостоятельно, опираясь на собственные силы. Это вопреки марксистской теории о невозможности такого пути в одной стране. Прорвать фронт капитализма одна страна смогла, а построить социализм в одной стране по теории считалось невозможным. Ленин больше всего опасался раскола в партии, в силу неопределенности сложившегося положения, что привело бы к гражданской войне. Пока он был жив, его авторитет не допустил раскола, но он знал, что два талантливых генерала в одной армии хуже одного посредственного. Дело даже не в борьбе за власть двух честолюбивых, а в борьбе идейной, какой из двух путей для революции правильно выбрать.

Так и произошло после смерти Ленина. Одни считали свой путь правильным, а второй ведет к катастрофе, а приверженцев его считали врагами революции. А другие наоборот. В Германии уже появился Гитлер, сторонники – Запад нам поможет – считали внешних врагов и гитлеровскую Германию меньшим врагом, чем внутренний враг – Сталин и его сторонники. В таком случае и сторонников Троцкого сторонники Сталина считали худшими врагами, чем внешний враг. Для Троцкого и его соратников, ни о каком особом пути России, не Западном, ни о какой русской идее не могло идти и речи.

С этим мы теперь знакомы, этот путь осовременили у нас, и мы теперь знаем, к чему он ведет. Никакого критерия: кто прав, тогда не было, не было и авторитета, страна пошла неизведанным, непроторенным путем. Тогда остается один критерий истинности – сила, кто кого

уничтожит, тот прав. Быть или не быть, третьего не дано. Таким третьим был Ленин. А теперь только – кто кого. То, чего больше всего боялся Ленин – гражданская война. Какая это чистка, даже если ее назвать чисткой. Жестокость ее выше обычной войны, так как в идейной войне, противостояли друг другу закаленные в борьбе не карьеристы, а честные бойцы, к которым примазались и нечестные, и очень много было тех, кто не понимал в чем дело. Сталин победил. Победил в войне внутренней, которая была названа чисткой партии. Внешне – чистка, внутри гражданская война.

Тогда был мобилизационный период в стране. Вот-вот начнется война с Германией. Как хирург вырезает и очищает гнойные очаги в организме, то же сделал Сталин в партии, в руководстве. Главное – не оставить ничего, из чего возникнет гниение – таков был девиз. Единство партии превыше всего, Государство сжимало силы в один кулак. Гитлер надеялся на пятую колону в СССР, чистка, внутренняя война лишила его надежды, в чем он сам признался. То, что она кровавая, мы знаем, но гражданская война не кровавой не бывает. Без нее, без этой чистки-войны, война внешняя с Германией велась бы на два фронта, и была бы наверняка проиграна.

Вот вам позиция в целом на репрессии. А целое определяет факты. Они изменяют их значение, смысл. Скажут: жертвы репрессий? А вам скажут – это были жертвы войны. Без двусторонней правды не обойтись. Айсберг имеет надводную часть и подводную невидимую часть. А нам показывают одну сторону айсберга. В этом суть дела. Да или Нет, третьего не дано. Как раз в третьем все дело и состоит. Говорят – Сталин палач. Значит, по факту судят. А позицию не берут в расчет! Не понимают. Или преднамеренно не принимают. Вот и получается: если Сталин палач, тогда, кто говорит так, на не литературном языке Таваямы – дурак. Или – клеветник. Тогда и оценка его такая.

Тупик односторонности. Двусторонняя правда, диалектика, требует второй правды, позиции в целом, она не принимает такой оценки Сталина. А христианская правда: не судите, да не судимы будете; каким судом судите, таким вас судить будут. Христианская заповедь тоже не принимает такую оценку Сталина. А церковь принимает. А как же: ведь для нее, как раз "бытие определяет сознание", впереди алтари, а не дух, сознание. Христианские заповеди двусторонние, диалектические, но впереди дух, сознание. Конечно не в отношении 3:1, как у Наполеона, а 100:1, 1000:1 и т.д. У Христа

это отношение равно бесконечности – царство духа. А где же бытие? Достигнув бесконечности – предела, конца, дух переходит в свою противоположность, в бытие (в немецкой диалектике это называлось – переход количества в новое качество), бытие нового уровня.

В наше время, наоборот, царство бытия достигло предела, за которым следует переход в противоположное царство – духовное. В этом и состоит цель моей работы – перейти в область, где сознание, дух на первом месте. О совместности христианских заповедей с двусторонней правдой – об этом рассказано в работе ^{М)} в нашем журнале.

Итак, «репрессии 37 года» (пусть так будут названы) должны рассматриваться двусторонне, но не односторонне в слепую по фактам. По Чернышевскому нужно перед существительным "репрессия" поставить прилагательные, как "верхняя" и "нижняя". Не звучит. В 37 году репрессии проходили сверху вниз. Так звучит. Такими они были на самом деле. Девиз большевиков – рыба с головы гниет. Репрессии снизу – это репрессии против народа, когда у народа отменяются, отбираются привилегии те, что он завоевал в Октябре 1917 года и защитил в Отечественную войну. Против репрессий снизу и были направлены репрессии сверху в 30-х годах. Только теперь, в наше время, мы получили доказательство этого.

Парадокс: своим правлением, вопреки своему желанию, новая власть реабилитирует репрессии сверху вниз Сталина. Когда Горбачева публично обвинили в развале Союза, он в ответ: "Почему я, а не Солженицын?"

Нас интересует, как часть определяется целым, позицией в целом. Замечательный пример привел Лев Толстой в "Воскресенье". Идет суд над Екатериной Масловой. Перед вынесением приговора председатель суда объясняет присяжным заседателям, какова должна быть их позиция. Они должны считать, что грабеж есть грабеж, воровство есть воровство, а убийство – действие, от которого происходит смерть человека. Факт есть факт. Никакого подтекста. Судить по фактам, а не мотивам. Председатель судит Маслову по факту, как Сталина его противники. Толстой вскрывает подводную часть айсберга этого суда. "Войну и мир" критиковали, когда она вышла из печати, даже ветераны той войны. И все из-за фактов, которые автор опустил. Толстой, отвечая на критику, сказал, что может писать автор и что не может ни в коем случае: "Характер времени, которого не находят в моем романе – ужасы крепостного права, закладывания жен в

стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т.п. – этот характер я не считаю верным и не желал выразить. В те времена тоже любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями. Мнение о характере грубой силы того времени составлялось из того, что в записках, повестях до нас доходили только выступающие случаи насилия и буйства".

Вопрос этот для Толстого очень важен и для нас тоже. Почему? Если автор показывает, изображает, буйство, тогда он должен объяснить, чем оно вызвано, объяснить обстоятельства, мораль, время, то есть показать то целое, из которого оно вытекает как часть, как факт. Если удастся автору это сделать, становится видно, что его могло бы не быть, возникает сожаление, или осуждение. Если автор этого не сделал, тогда зачем он его изображает, как его оценить? Выходит факт дается ради самого факта, тогда сам факт и становится нерасчлененным, целым, своей собственной целью, нормой. Его так и принимают, привыкают к нему, жестокость не осуждается, принимается как норма. Так воспитывают жестокость.

Когда говорят: мы вам показываем жестокость для того, чтобы больше этого не делали, и показывают так, что получается все наоборот, жестокость не осуждена, не противна. Сколько таким способом привили и прививают жестокостей, мерзостей. Прививается изнутри. Внешне, правда, а внутренне ложь, а в результате человек, читатель, зритель унижен, оскорблен. Какой же будет коллективизм, если люди привыкают не к братству, а к насилию, разбою. Критикует Толстой Мопассан "за преувеличенное описание грубой чувственности простых людей из народа, как полудиких животных, над которыми можно только смеяться. Автор делает большую ошибку в художественном отношении, потому что описывает предмет только с одной, самой неинтересной, физической стороны и совершенно упускает из вида другую – самую важную, духовную сторону".

Из таких частей не складывается целое, та Франция, которую мы знаем – вот что говорит Толстой. И Шекспиру досталось за буйство, жестокость его героев, и за то, что недостает обоснований их поведения. Зритель оправдывает убийства, а не осуждает. Так воспитывается жестокость. Отчего Яго такой жестокий? Где мотивы ее? Зритель, читатель хочет его убить, ждет расправы с ним, и делается такой жестокий как Яго. Жестокость перешла от него к зрителю. Так и нужно делать, если

готовиться к войне, тогда нужно быть жестоким.

Во время гражданских войн, когда писал Шекспир, такой зритель и нужен был. А в другое время переносить то время без объяснения его ограниченности, его жестокости – это и есть насаждение ненужной, вредной жестокости. Сравните. В Записках из мертвого дома" Достоевский рассказал об убийцах, с которыми отбывал наказание на каторге. Рассказал, почему они стали убийцами. Как жили, воспитывались, и он "оправдал" почти всех из них, за исключением двух. Судил не по факту. У читателя он вызвал сострадание к их загубленной жизни. Да и тех двух, особенно жестоких, оставил без объяснения, признался, что не смог, не хватило у него сострадания к ним. Вот такая позиция автора – "найти в человеке человека", двустороннего человека, как и должно согласно русской идее, не вызывает отвращения к ним, желания убить.

Достоевский, Толстой жестокость не воспитывают, воспитывают доброе, братское отношение к людям. Коллективное отношение. Критикуя Шекспира, Толстой показывает, что правда Шекспира отличается от нашей правды, правды русской идеи. Он говорит то же, что сказал Пушкин: "Что хорошо для Лондона, то рано для Москвы". В этом весь смысл критики Толстым Шекспира. С помощью Шекспира мы лучше поймем самих себя. А еще надо знать: гений принесет нам вреда много больше, чем обычный человек, а мы пойдем за ним его путем, не своим, будем подражать ему.

Критика Толстым Шекспира важна для тех, кто отстаивает наш собственный путь, русскую идею, самосознание нашего народа. Из нее следует: мы не Запад, мы не европейцы, как бы ни вбивали это в нашу голову сверху, в отличие от Сталина, который пусть и грубо выбивал ее из головы интеллигенции. У Толстого надо учиться, как отстаивать свою правду, позицию, самосознание.

Вспомните, с какой проблемой столкнулись у нас, когда на Западе появился джаз. Наша молодежь стала интересоваться им. Но это была чужая идеология, хоть и в музыке: "я так хочу, я не такой как все, не хочу приспособливаться, служить". Индивидуализм, эгоизм. Новая музыка, но новое само по себе. Она не дала синтеза с классической музыкой, не явилась ее продолжением, но была демократичной, доступной многим молодым людям. Оживить, осовременить, классику, сделать ее доступной миллионам людей, повернуть ее лицом к народу не удалось.

Это было бы внедрением коллективного принципа в музыку. Тогда мы шли своим путем, поэтому были разборчивы в таких вопросах, и ошибок много было на пути коллективного сознания, но и мысль была. Аналогично было с живописью и в других областях культуры, в которые стремились внедрить или сохранить коллективизм.

Сейчас у нас индивидуализм победил и безраздельно господствует и в музыке и во всех других областях. Победил, но не расцвел, а, наоборот, выдохся, выродился. А вспоминаем Советское искусство, и многие мечтают о его возрождении. А возродить его, значит внедрить в него двустороннюю правду, коллективную правду, правду братства и доброты. Не только одну коллективную, но и в синтезе ее с индивидуальной правдой, ведь нужны и Глинки, Мусоргские, Чайковские, Репины.

Продолжу японский парадокс. Разве японцы полностью решили японский парадокс, сняли противоречие. Они дошли до предела своих возможностей. В самом деле, из парадокса вытекает, что если A меньше B , то $10A$ больше $10B$, а в математике $10A$ меньше $10B$. Следовательно, нужно вводить коллективное сознание, диалектику в математику. Возможна ли "коллективизация" в математике? Между людьми братские отношения – это понятно. Но братские отношения между числами. Разве не абсурд? Соединить психологию и математику? В шахматах, шашках это справедливо. В них играет роль позиция фигур. В определенной позиции две пешки могут быть сильней трех пешек, фигуры все время меняют позицию, а в связи с ней свою силу, часть зависит от позиции, т.е. от целого. Достигнув последней горизонтали, пешка становится ферзем. А в арифметике числа постоянные, имеют только одну позицию. Число 1 меньше 2, увеличим и то и другое в 10 раз, получим 10 и 20. Как же может 10 быть больше 20? В какой позиции? Что это за математика? Оказывается в двусторонней математике, или в диалектической, это возможно и даже естественно.

В работе «Между Сциллой и Харрибдой» двусторонняя арифметика построена. Наша основная задача внедрить двустороннюю правду, диалектику, во все области жизни и, прежде всего, в сознание. С чего начинать коллективизацию? С чего начинают в школе обучать грамоте? С букв и чисел. Учат складывать буквы и складывать числа, знанию четырех правил действий, таблицу умножения. Родной язык и арифметику, как читать и как считать. Это

наши спутники на всю жизнь. С этого и надо начинать вводить братство. Начинать с простого и понятного всем. Теперь я покажу, как сделать коллективизацию в арифметике, сделаю проще, чем в упоминаемой работе. Помните, что нужно уметь складывать числа, умножать, делить, вычитать по законам диалектики, или двусторонней правды, или русской идеи.

Все числа: 0, 1, 2, 3, 4, 5, ..., вам известные, находятся на одной числовой прямой. Это односторонняя арифметика, ее вы знаете. Знаете все четыре действия с этими числами. Числа эти индивидуальные, например, число 2 равно только 2 и ни какому другому. Нам нужны числа позиционные, как фигуры на шахматной, шашечной, доске для выражения братства. Двусторонняя арифметика это арифметика двух числовых прямых в их взаимном положении. Представьте себе их, как два этажа двухэтажного дома. Перевести число снизу наверх – значит добавить к нему 1, а сверху вниз – отнять 1.

Я взял такое правило, самое простое. Когда число переходит с одного ряда, этажа, на другой, это значит, что оно меняет позицию, как шахматная пешка (правда, пешка ходит только в одну сторону, у нас число смещается и вверх, и вниз). Пусть одноэтажное число 5 поднято на второй этаж, получаем двухэтажное число (5, 6). Оно имеет значение 5 внизу, значение 6 наверху, наконец, третье значение, промежуточное между 5 и 6. Как орел и решка на одной монете (здесь нет промежуточных чисел), или, как на гаечном ключе на одной стороне 5, на другой 6; учтем: есть и разводной, универсальный ключ для всех размеров в интервале от 5 до 6. Итак, для какого размера гайки этот ключ? Для 5, для 6, а также для промежуточных 5,1; 5,2; ... 5,9; все равно, для какого из них, безразлично, как будто $5 = 5,1 = 5,2 = \dots = 5,9 = 6$. Ограничился для простоты такими дробями.

В математике односторонней "как будто" не считается истиной, считается ложью. Но в двусторонней имеются две истины, да еще одна противоположна другой. Так вот, равно "как будто" будем считать внутренним равенством, или эквивалентностью, а числа внутренне равные, эквивалентные, считаем братскими, и все вместе они составляют семью, коллектив, класс эквивалентности, коллективности, данной степени коллективности, в примере она равна 1, или $h = 1$. Перешли от односторонних чисел к двусторонним, поставив прилагательные "внешняя" и "внутренняя"

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

к существительному "равно". Внешнее равенство это обычное равенство. Во внешнем равенстве промежуточные числа: 5; 5,1; 5,2..., 6. не равны. Во внутреннем равенстве они равны, вот теперь "как будто" стало законной истиной, внутренним равенством. Знак равно приобрел расширенное значение – будем помнить об этом, хотя обозначение равенства оставим прежним. Степень коллективности чисел можно задать любым числом, например, как в этих двухэтажных коллективных числах: (4; 4,5), (4; 6), (4; 14).... Это двухэтажные 4-ки со степенями коллективности, эквивалентности, соответственно 0,5; 2; 10.... Классы коллективности их: 4 = 4,5 для первого; для второго 4 = 5 = 6; для третьего 4 = 5 = 6 = 7 = ... = 14 (дробные промежуточные не стал записывать). Когда субъект выберет определенный размер гайки, тогда этот класс эквивалентности отождествится с этим одним числом: или 5, или 6, или 5,3 и т.д.

Вот как в этом случае получается единство противоположностей, разное переходит в равное, два в одно, многое в одно. Ключ, у которого только один размер, пример индивидуального инструмента, ключ с многими размерами – пример "коллективного" инструмента, а лучше: коллективно-индивидуального инструмента, так как можно выбрать один размер – "лидера" коллектива. Пример коллективно-индивидуального объекта. Диалектика. Нас, конечно, интересуют "живые" примеры, диалектика - логика живого мира.

Число это инструмент точного естествознания. Точно так же из нескольких индивидуальных чисел получаются коллективные числа, коллективно-индивидуальные. Это мощный инструмент, он решает такие задачи, которые числам индивидуальным и не снятся.

А теперь вернемся к японскому парадоксу. Мы решили найти его математический эквивалент, арифметическую фотографию. Для этого ввели позиционную арифметику, двухэтажную. Вы уже знаете двусторонние числа (0, 1), (1, 2), (2, 3) Осторожно! В первых двух числах эквивалентны $0 = 1$, $1 = 2$, тогда по-старому равенству $0 = 2$, продолжая на другие случаи, получим, что все числа равны – каша! Но мы не учли степень коллективности нашей арифметики, или степень индивидуальности. Она у нас 1, а равенство $0 = 2$ степени коллективности 2. Каши не получится. 0 не равно 2 (не эквивалентно). Каждое двухэтажное число, по построению, это расширенное одностороннее число, то, что стоит на

нижнем этаже. Число (5, 6) – расширенное, двустороннее число 5, для этого вводим обозначение $5 = (5, 6)$. Чтобы не забыть, что оно расширенное, число 5 на первых порах можно обозначать равенством: $5 = (5, 6)$. Это 5. есть индивидуально-коллективное число. Если выбрать представителем класса, лидером, 6, получим расширенное число 6, или $.6 = (5, 6)$.

Действия. Например: $5 + 8 = 13$., обычное сложение, что соответствует закону: новое есть продолжение старого. Это одна сторона двустороннего нового – консервативная: новое это старое, т.е. новые числа это обычные, односторонние, индивидуальные числа. Сумма их тоже обычная сумма, с одной стороны. С другой стороны, они коллективные, т.е. $(5, 6) + (8, 9) = (13, 14)$. Получилось, на первом этаже обычное сложение $5 + 8 = 13$, на втором этаже вместо $6 + 9 = 15$ стоит 14. Почему? Потому что $13 = (13, 14)$. А неформально, что это значит? Число 15 вышло бы за пределы коллективности, вот почему единицей пришлось пожертвовать в интересах коллектива, на братство, на сохранность дома, на совместность обоих этажей, или на их непротиворечивость в доме. Разные выражения одной и той же мысли.

Сложение перевело число 13 в число 14, что выражает класс эквивалентности $13 = 14$. Число 15 нельзя считать равным 14, оно не войдет в этот класс эквивалентности, потому, что тогда $13 = 15$, коллективность 1 заданная не выдержит, дом разрушится. Вот в чем позиционный смысл числа: "пешку 13" можно разменять на "14", а раньше было нельзя. Так же вводятся и другие действия. Умножение: $3 \cdot 5 = 15$. или: $(3, 4) \cdot (5, 6) = (15, 16)$. Как видим, 3 умножить на 5 дает 15 как обычно, но на втором этаже может быть только 16 вместо $4 \cdot 6 = 24$, т.е. 8 пожертвовано на целостность дома. Проверьте делением: $15 : 3 = 5$. или: $(15, 16) : (3, 4) = (5, 6)$. Вычитание. $8 - 4 = 4$. или: $(8, 9) - (4, 5) = (4, 5)$, проверьте сложением: $(4, 5) + (4, 5) = (8, 9)$.

При делении и вычитании не части жертвуют целому на втором этаже, как видно, а целое частям. У нас степень коллективности равна 1, можно задать другую коллективность 2 и 3.... Например, $7 + 8 = 15$., пусть степень коллективности 10, тогда $(7, 17) + (8, 18) = (15, 25)$, скачок $15 = 25$, число 15 можно разменять на 25. Этот двухэтажный дом с такой теснотой (10), можно разменять на одиннадцатизэтажный дом. В нем можно последовательно подниматься с этажа на этаж через все промежуточные этажи, повышая коллективность в согласии с $15 =$

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

$16 = 17 = \dots = 25$. Проходя это тождество как по ступенькам лестницы, и по ней можно спускаться с любого этажа на другой.

Например, поднимем $2 + 2 = 4$ (или $2 \cdot 2 = 4$) последовательно: $2 + 2 = 4$, $2.. + 2.. = 4..$, $2... + 2... = 4...$ и т.д. Это значит: $(2, 3) + (2, 3) = (4, 5)$, а отсюда $2 + 2 = 4$ по нижнему этажу, и $2 + 2 = 5$ (или $2 \cdot 2 = 5$) по верхнему этажу, по эстакаде. Переходим на третий этаж. Теперь $2.. = (2, 3, 4)$, складываем $2 + 2$ по третьему этажу: $4 + 4 = 8 - 2 = 6$, получаем $2 + 2 = 6$. Так как степень коллективности теперь равна 2, поэтому 2 пошла на склейку коллектива, ее вычли. Получаем $(2, 3, 4) + (2, 3, 4) = (4, 5, 6)$, или получили продолжение: $2 + 2 = 4$; $2 + 2 = 5$; $2 + 2 = 6$. Следующий этаж дает новое продолжение $2 + 2 = 7$ и т.д. Видно, как с каждым этажом увеличивается коллективность. Начали со степени 1, потом 2, потом 3..., а число 7 получено как $10 - 3$, тройка ушла на склейку суммы $5 + 5 = 7$.

Однако при решении конкретных задач степень коллективности не задана, ее приходится подбирать такую, какая нужна для решения данной задачи. В нашей задаче, о японском парадоксе, нужно получить позицию, при которой 10 будет больше 20. Это сделать теперь просто. Так как $10 + 11 = 21$, то при степени коллективности 11, получим двустороннее число $(10, 21)$ с классом эквивалентности, коллективности: $10 = 21$. Получили расширенное число 10, оно больше 20, т.к. в классе эквивалентности $10 = 21$, число 21 больше 20, а значит 10 больше 20. Двухэтажное число $(10, 21)$, дающее решение, можно получить последовательным расширением числа 10, последовательно добавляя к 10 по 1 на каждом этаже и на 12-ом этаже получить число 21.

Это последовательное расширение числа 10, приводит к тому же результату, к числу $(10, 21)$ на 12-ом этаже и классу эквивалентности, коллективности $10 = 11 = 12 = \dots = 21$, идя последовательно, как по лестнице, а не сразу скачком $10 = 21$. Вот в какой арифметике разрешен японский парадокс. Выполнять действия в этой арифметике чисел $a = (a, a + 11)$ просто, например: $(5, 16) + (7, 18) = (12, 23)$; или в индивидуальной форме: $5 + 7 = 12$. Аналогично $(4, 15) \cdot (13, 24) = (52, 63)$; $(9, 20) : (3, 14) = (3, 14)$; $(15, 26) - (7, 18) = (8, 19)$. На первом этаже складывается, умножается, делится, вычитается как обычно, к результату прибавляется 11 и получают число второго этажа.

В этих арифметиках все свойства действий, как: от перемены мест слагаемых сумма не меняется, в

умножении от перестановки сомножителей результат не изменяется, сочетательное, распределительное свойство, сохраняются по самому построению, сведением ее к обычной внутренней арифметике. Впрочем, на примерах можно проверить.

От положительных чисел можно перейти к отрицательным, нулем будет $(0, 1)$, единицей $(1, 2)$. Проверьте: $(8, 9) \cdot (1, 2) = (8, 9)$, а раньше было

$8 \cdot 1 = 8$, только теперь числа пошире, коллективные: $8 = 9$, $1 = 2$.

Вы заметили, правила действий делаем по нижнему этажу, результат поднимаем вверх – это неравноправие к этажам, несправедливость. Почему по первому этажу, а не по второму? А лучше было бы в синтезе по обоим этажам одновременно. Ведь город не обязательно должен быть одноэтажный, что соответствует обычной арифметике, или двухэтажный; город состоит из домов разных этажей. Можно сохранить действия и на первом и на втором этаже обычными, без искажения, но сохранив класс эквивалентности, коллективности этих чисел. Например: $(6, 8) + (3, 5) = (9, 13)$, сложил два числа, для определенности с коэффициентом коллективности равной 2, по обоим этажам. Никаких искажений на этажах. А вот единство дома потребовало, чтобы $9 = 10 = 11 = 12 = 13$. Проверьте вычитанием: $(9, 13) - (3, 5) = (6, 8)$. Умножение: $(6, 8) \cdot (3, 5) = (18, 40)$, проверьте $(18, 40) : (6, 8) = (3, 5)$. Можно считать односторонние числа двусторонними вырожденными, как $0 = (0, 0)$, $1 = (1, 1)$, $5 = (5, 5)$ и т.д. Например, $(6, 8) + (0, 0) = (6, 8)$, или $(3, 5) \cdot (0, 0) = (0, 0)$, $(3, 5) \cdot (1, 1) = (3, 5)$. Это говорит об удобстве пользования таким нулем и единицей.

А теперь посмотрите, как с помощью такой арифметики, как инструмента, внедряются коллективные отношения между людьми. Как происходит коллективизация между ними? Рассмотрим задачу: участок земли 4 гектара надо разделить между двумя лицами поровну. Делим $4 : 2 = 2$; деление проверяется умножением: $2 \cdot 2 = 4$, каждому по 2 гектара. Но вот что случилось: два лица, которым надо поделить землю, оказались родными братьями, они наотрез отказались делить участок, так были воспитаны в семье. Для них 4 гектара неделимое, поэтому $4 : 2 = 4$, а умножение обратное: $4 \cdot 2 = 4$ или $4 + 4 = 4$, а не 8. Но это же абсурд, противоречит арифметике. Братья берутся доказать, что никакого абсурда нет, все правильно по второй правде, которую чужие между собой люди не знают.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Братья говорят: когда вы складываете $4 + 4 = 8$, вы к четырем клеткам (в тетради в клетку) прикладываете последовательно 4 клетки, получается 8 клеток, конец одной прикладываете к началу другой по правилу, где заканчивается мое, там начинается твое, а где заканчивается твое, там начинается другого, и т. д... У братьев там, где начинается мое, там же начинается и его, и там, где кончается его, там кончается и мое, следовательно, 4 клетки не прикладываются последовательно к четырем, а совмещаются, накладываются, склеиваются, поэтому, считая по первому началу и последнему концу, сумма будет 4. Итак, $4 + 4 = 4$, где сумма есть склейка.

Это и есть образ единства двух противоположностей. Хорошо видно, куда делась одна 4-ка в сумме – отдана на братство. То же самое получим, при сложении двухэтажных чисел $(a, a + 4)$, коэффициент коллективности 4. Действительно: $(0, 4) + (0, 4) = (0, 4)$ по правилу сложения двухэтажных чисел по первому этажу: на нижнем этаже обычное сложение $0 + 0 = 0$, на втором вместо $4 + 4 = 8$ будет 4. Одна 4-ка отдана на единство дома, налог за дом, на склейку, на братство, на коллективность, на совместность, на непротиворечивость и т.п. – как хотите. Можно было получить, то же самое, последовательно поднимаясь с этажа на следующий этаж до 5-го с помощью чисел $(a, a + 1)$. На первом этаже $0 + 0 = 0$, на 2-ом $1 + 1 = 1$, далее $2 + 2 = 2$; $3 + 3 = 3$; $4 + 4 = 4$. На последнем этаже выполняется $4 + 4 = 4$ или $8 = 4$, восьмерка превращается в четверку в этой позиции. По-старому, это $2 \cdot 2 = 8$.

Итак, число 4 имеет двойственную природу, или двустороннюю: с одной стороны это обычная четверка, четное число, составное, т.к. равно произведению $2 \cdot 2$. С другой стороны это неделимое число, значит простое, а не составное. Но тоже можно сказать и о других числах, ведь площадь участка земли может быть любым числом, и делить можно на 3, 4, 5... частей. Так число 15 делится на три и на 5, а при братском делении оно неделимо, простое. А если такое братство, ограниченное, когда на 3 возможно деление, а на 5 невозможно – слишком мелко. Тогда $15 : 3 = 5$ и $15 = 3 \cdot 5$, но $15 : 5 = 15$ и $15 = 5 \cdot 15$. Абсурд? Нет, все правильно, когда две правды. В $3 \cdot 5 = 5 + 5 + 5$ сложение последовательное, в $5 \cdot 15 = 15 + 15 + 15 + 15 + 15$ сложение позиционное, "шахматное", параллельное, когда геометрические участки, например прямоугольники, не прикладываются друг к другу, а накладываются один на другой 5 раз, как листки в тетради, и результат

получается тот же 15, но с помощью суммы-склейки.

Это два разных вида деления, первое по правилу разделяй и властвуй, второе – соединяй и властвуй – деление в смысле русской идеи. Как видите, число 15 меняет свойства в зависимости от позиции, от степени коллективности, братства. Так же и другие числа имеют позиционный смысл. Теперь мы знаем числа четные, нечетные, а также четно-нечетные, как (4, 5). Это же число простое и составное, т.к. 4 составное, а 5 простое и $4 = 5$. Любое целое число будет составным или простым, а так же и тем и другим, все зависит от степени коллективности, индивидуальности его. Какому уровню коллективности оно принадлежит. Естественно, в силу этого, возникают простые, составные числа разной степени простоты и составные разной степени.

Приведу пример. Разделить 4 на 2 это значит решить уравнение $2 \cdot x = 4$. Обычное решение $x = 4 : 2$, $x = 2$, т.к. $4 = 2 \cdot 2$ теперь неполное. Число 4, как двустороннее число, может быть простым и ему соответствует второе решение: $x = 4 : 2 = 4$. Надо учесть обе возможности: два лица, которые делят участок, могут быть чужими, а могут быть братьями, соединяем два решения в одно расширенное $x = (2, 4)$. Хотите поупражняться, сделайте проверку. Подставим в уравнение $2 \cdot x = 4$ число $x = (2, 4)$, получим $2 \cdot (2, 4) = (2, 4) + (2, 4)$, по правилу сложения по обоим этажам это будет (4, 8). А по правилу сложения по первому этажу сумма равна (4, 6), двойка пошла на склейку.

Первое решение содержит второе, оно его продолжение, коллективизм его выше. Обращаю внимание: решение дает не просто два значения, которые может принимать x , это может и обычная математика, объединив их в одном уравнении $(x - 2)(x - 4) = 0$, но в этом случае нет единства 2 и 4, перехода одного в другое. Например, в детстве, в юности один брат не делился с другим братом, потом женился и стал делиться, или наоборот, вначале делился, потом не стал, когда поумнел или поглупел – судите сами. Вначале x было 4, потом стало 2 или наоборот – сам процесс, становление, движение, хотение, чувство входит в число – вот, что такое синтез двух чисел, число (2, 4). Да, ведь и братство это чувство. В квадратном уравнении собрали два числа в нем, как собрали две шахматные фигуры в шахматной коробке, а в (2, 4) получена позиция, в которой пешка 2 эквивалентна слону 4, поэтому можно разменять, пожертвовать пешку за слона. Вот такого решения нет в прежней арифметике, в ней

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

#01 - 2012 / ГЕОПОЛИТИКА

нет диалектики, двусторонней правды или, иначе говоря, нет русской идеи. Да и числа не чувствуют, не живые, как в двусторонней.

Внутренняя арифметика многоэтажной (у нас двухэтажной) арифметики является обычной арифметикой. Новация возникает во внешней арифметике, когда рассматривается арифметика одного этажа относительно другого, арифметика лестничной клетки, лифтовая арифметика, переходная с этажа на этаж, как человек в лифте между вторым и третьим этажом находится между тем и другим этажом, и там и там, и не там и не там. Так же и числа многоэтажные. Если внизу число 0, наверху 1, то промежуточное число, благодаря умению переходить в 0, было названо в той же работе, бесконечно-малой величиной. Там об этом подробно говорится.

Такая межэтажная арифметика является отклонением от обычной арифметики – названа внешней арифметикой. Ее генеральное свойство: допустимо любое отклонение от обычной арифметике при одном условии, чтобы сохранялась полностью эта же самая обычная арифметика, в качестве внутренней арифметики. Нарушение и сохранение в единстве. Нарушай, чтобы сохранить, а сохраняй, чтобы нарушить. Таким образом, мысль, сознание, представитель которой есть арифметика, соединяется с реальным отношением между людьми. Теперь, в двусторонней, диалектической арифметике всякое ее правило имеет реальный смысл. А поскольку математика выводится из арифметики (у Бурбаки она выводится из множества), то двусторонняя математика становится вся идеально-реальной. Перевод же односторонней математики в двустороннюю совершается очень просто: вместо обычных чисел берем двусторонние, т.е. заменяем число a на $(a, a + 1)$. Просто, вместо числа a берем $a.$, то есть над числами ставим точки (я ставлю ее справа внизу). Переведем, например, таблицу умножения старую в новую. Получим: $\dots 7. \cdot 8. = 56.$... Иначе, $(7, 8) \cdot (8, 9) = (56, 57)$. Получилось: $7 \cdot 8$ равно 56 или 57 , выбор ваш, а можно выбрать любое промежуточное: $56,5$ и т.д. Также, дважды два, по-новому: это 4 или 5, выбор ваш.

А смысл? Два человека и два человека, сколько будет? Четыре человека. Так считают в неживых системах, а у нас живая система. Среди них женщина, у нее родился ребенок – вот вам 5 человек. Можете продолжить. А если бы умер один, тогда $2 + 2 = 3$ и т.д. Рождают и умирают живые объекты, рождают и умирают сами числа. Вот как мысль арифметическая

стала реальной. Можете составить таблицу умножения с другой коллективностью, например $a. = (a, a + 5)$, тогда $2. \cdot 2. = 4.$ – внутреннюю арифметику не изменяем. Результат во внешней арифметике $2 + 2 = 4, 5, 6, \dots 9$ – ваш выбор.

Еще более простая таблица умножения. Умножение такое: $(7, 8) \cdot (8, 9) = (56, 72)$, умножаем по обоим этажам; теперь коллективность выражается в классе эквивалентности $56 = 57 = \dots = 72$. А индивидуальность? В выборе, например, возьмем 63 – в первом случае это было нельзя.

Такой пример. Решая какую-то задачу, получили в результате число 73. Но 73 не имеет делителей, число простое, а по смыслу задачи, результат должен делиться на 8. Приблизительно получится 9, $(8 \cdot 9 = 72)$, а нужно точно. Скажете: точного нет, задача не решается, потому что есть или точное значение или приближенное, третьего не дано. А в двусторонней арифметике? Есть точное, приближенное, относительное (позиционное) – синтез первых двух – да еще и разной степени относительности. В нашем случае, $72 = 73$, тогда $73: 8 = 9$ точно, т.к. по таблице умножения с точкой: $8. \cdot 9. = 72.$, где $72. = (72, 73)$.

Победил коллективизм? Нет. Коллективизм-индивидуализм победил. Индивидуалист не может без выбора, у нас он есть, разрешен в самом коллективе, как в примере вместо 73 выбрано 72. Что мы сделали? Создали конкретную семью $72 = 73$, и из нее сделали хороший выбор, какой нам нужен – 72. Действительно, из хорошей семьи выходят хорошие дети. Коллективизм – не только цель, но и средство для индивидуального выбора. А говорят, что коллектив подавляет личность, а у нас поднимает. Двухэтажные числа, их арифметика – это расширенное двухэтажное сознание, сознание с подсознанием. Вы видите, на сколько мощней сознание, расширенное с помощью подсознания, мощней обычного одностороннего сознания.

В цитированной выше работе, я решал знаменитые задачи, нерешенные в односторонней математике. Решены они вполне доступно для школьника, так как мысль, заключенная в правилах арифметики, соединена с реальностью, с его жизненным опытом. Мысль соединилась с реальностью. Мы это видели на примере коллективной, братской, нравственной, арифметики. Синтез мысли с реальностью следует из закона диалектики: бытие определяет сознание – одно утверждение, сознание

определяет бытие – противоположное. Их единство, синтез дает тождество – мысль реальную. Диалектика дает возможность соединить сознание с реальностью, а конкретное осуществление, как достать сознанием до реальности, дает расширение сознания.

Но у меня расширение сознания основано на одном примере. Да, но на каком. На расширении арифметики, а значит всей математики, ибо она выводится из той же работе. Арифметика с операцией выбора – это уже соединение ее с субъектом, с психологией, следовательно, диалектическая арифметика становится наукой сознания. Теперь можно сказать: все действительно разумно, или: все разумное действительно – правильно и так и так, это двойственные утверждения. Эйнштейн предсказал, как физика выйдет из кризиса: "Нужна такая теория, когда чистая мысль способна ухватить реальность". Это предсказание, как видим, становится осуществимым реально в двустороннем сознании.

Эйнштейн в точной науке, Толстой, Гегель в гуманитарной пришли к этой мысли о тождестве мысли и реальности, сознания и бытия. Толстой: "Нравственный закон такой же, как физический, только он в становлении". (Он говорит, что мысль эта взята им у Н.В. Бугаева). Гегель: "Природа есть инобытие идеи". Толстого мысль – в индуктивной форме, Гегеля – в дедуктивной форме, что характерно для русского и немецкого мышления. Для нас примеры важнее правил, немцы законопослушны – у них правила превыше примеров. Надо заметить, что эти два тождества реального и идеального нужно понимать в становлении их, как говорит Толстой. Крайности же, когда они даются в завершенном виде, а не в становлении приводят к нелепостям, они тогда оправдают любую мерзость.

Каким будет двустороннее общество, на одной стороне которого, пусть нижней, определяющая основа – бытие, на верхней – сознание. Наверху согласие, коллективизм, братство. Внизу – борьба, конкуренция, приводящие к социальным кризисам, и, в самой острой форме, к революции, гражданской войне. Революция, значит – передел собственности, отдать землю крестьянам, недра земли, заводы рабочим, средства материального производства передать трудящимся. Наверху, революция духовная, значит – отдать всем членам общества средства умственного производства, это значит передать метод, каким получается истина, как производится новое из старого.

Это составляет революцию тоже, только сознания, цель которой – перейти на расширенное сознание, распространить коллективизм, братство во все области жизни людей, или, что то же, распространить диалектический метод или метод двусторонней правды. Сознание, как двусторонняя, диалектическая арифметика, геометрия, многоуровневое, многоэтажное, переходит с уровня на другой уровень скачком, понятия переходят в противоположные, т.е. становятся относительны. Диалектическая правда, таким образом, для физика, есть синтез квантовой физики и теории относительности. Для психолога, синтез сознания с подсознанием и дальнейшее его расширение, переход на все более глубокие уровни подсознания. Эта революция сознания имеет решающее значение в жизни людей, а не прорыв в недра атомного ядра и в космос с помощью ракет, загрязняющих среду.

Известный психолог У. Джеймс говорил: "Самым потрясающим открытием было открытие необычной во всех отношениях силы, которую может развить подсознание, направляемое непоколебимой верой".

Двусторонняя правда, о которой мы говорим, состоит из правды сознания и правды подсознания. Что касается веры, заповедей христианской веры, то они все, как было сказано, построены на двусторонней правде. Расширенное сознание многоэтажное и, поднимаясь все выше, коллективизм, братство усиливается, эгоизм уменьшается, как в коллективной арифметике. Каждый уровень сознания, подсознания, служит средством обойти нижний этаж, являясь для него эстакадой. Так обходится классовая борьба, революция на нижних этажах. На верхнем этаже – эстакаде она переходит в противоположное – сотрудничество, братство с помощью расширенного двустороннего сознания, диалектического сознания. Так расширенное сознание достигает бытия, достигает и даже обгоняет. Мысль становится реальной и даже предсказывает другую реальность, другого уровня.

Например, мы рассказали, что в основании социализма лежит понятие семьи. Привели пример японских фирм. Но семьи бывают разные. А разные семьи это различные уровни, этажи одного многоэтажного дома, с разной степенью коллективности и индивидуализма (группового эгоизма). Чем выше первое, тем ниже второе. Каждый народ имеет свой собственный эталон семьи, который он выберет за основание своего

социального устройства. Все эти системы внешне будут различны, но внутренне едины. В диалектике источник их различия и источник их единства. Так же, как в диалектической арифметике. Это ее закон. Сейчас нам стараются внедрить самый низкий уровень семьи, в которой любят только свою семью, устраивают свои гнездышки, а что вне – наплевать. Потом пошире: "мои внуки лучше всех". Уже двадцать лет выбивают из нашей головы память о нашей отечественной семье, о советской семье, когда "мое" родное простиралось на всю страну и служение ей считалось высшей доблестью человека.

А вот как об этом же говорит двусторонняя арифметика – ведь мысль реальна. Поднимем число последовательно по этажам многоэтажного дома: 2, потом (2, 3), потом (2, 3, 4) и т.д. все выше. Вначале 2-ка – индивидуалист, любит только себя, поэтому $2 = 2$ и не больше, затем она стала коллективной степени один: (2, 3), где $2 = 3$, братство, любовь, но не дальше 3-ки. Коллективизм увеличился на 1, эгоизм уменьшился тоже на 1. Дальше 2-ка поднялась, степень коллективности стала выше – 2, т.к. $2 = 3 = 4$, и степень эгоизма понизилась еще на 1, и т.д.

Сейчас многие наши люди не видят иного выхода, кроме насильственного возвращения отнятой у народа собственности, – а это социальная революция, без нее, говорят, нет выхода. В наше время хорошо видно, кто привел Россию к революции 1917 года. Не революционеры, не большевики. Господствующий класс, богатые не захотели поделиться с угнетенным народом, с бедными, собственностью, землей, привилегиями. Теперь узнали, что это была причина болезни, а операцию, хирургическую, сделали большевики, другому было некому.

В настоящее время господствующий класс делает то же самое, не желает выпускать власть из своих рук, не может поделиться ею с народом, толкая его снова на кровавый путь. Но теперь этот путь можно избежать. Есть объездной путь для этого тупика, эстакада, по которой его можно объехать через второй этаж. Построить умственную эстакаду – это значит перейти на расширенное сознание, диалектический или двусторонний ум.

В самом деле, что хотят революционеры, какую ставят цель революции, народной революции? Установить мир, братство, единение людей, справедливость, свободу. Этот идеал мы не осуществили, когда шли по нижнему этажу, руководимые лозунгом: бытие определяет сознание. Второй раз нельзя идти по тому же пути. Одинаковые причины приводят к

одинаковым следствиям. Теперь остается пройти к той же цели по второму этажу расширенного сознания под девизом: сознание определяет бытие. В этом случае у нас есть гарантия на успех. В самом деле, на этом этаже эти утверждения: мир, свобода, справедливость, единство, братство заключаются в самом инструменте, с помощью которого живут люди на этом этаже.

Без арифметики люди не могут обойтись, ее будут учить дети в школе. Все ее правила точно такие, как в обычной арифметике – с одной стороны. С другой – они их продолжают, и получают реальный смысл указанных нравственных понятий. Каждый уровень арифметики эстакады – а она многоуровневая – определяет соответствующее равенство, класс эквивалентности, или коллективности, а правило выбора дает возможность выделить из равного неравное, выразить различие индивидуальное.

Мир, как противоположность войне, выражается в единении, согласии, братстве. Свобода выражается в возможности выбора. Все это имеет арифметический смысл, его эквивалент. Так уходят от противоречия, тупика, катастроф, революций. Через эстакаду. Диалектика, расширенный ум для того и нужен, чтобы обойти насилие. "Умный – гору обойдет". Напомню еще раз: мы плохи потому, что хорошими не можем быть. Относительность добра и зла. Умные применяют насилие тогда, когда все ненасильственные способы исчерпаны, они действуют в пределах их возможностей. Диалектика дает возможность неограниченно расширять ум, а значит исключать насилие. Вот по какой построенной эстакаде сознания мы обойдем катастрофу.

Так, где же гарантия? Мне скажут: возьмите и обойдите тупик, пропасть, сами, а мы посмотрим. Обойдите пропасть через второй этаж с помощью братства, коллективизма-индивидуализма. Да еще и такую пропасть, которую мы, на первом этаже, обойти не можем. Я это уже сделал в предыдущей работе на примере знаменитой проблемы Ферма. Она была решена на втором этаже с помощью коллективно-индивидуального метода, степень коллективности $\frac{1}{2}$ оказалось достаточной для ее решения. При этом не был нарушен ни один закон обычной арифметики с одной, внутренней стороны.

С внешней стороны, старые правила изменились и притом изменились так, чтобы сохранить их же с другой стороны, во внутренней арифметике. Новое, двустороннее, таким и должно быть: с

одной стороны, это просто старое, с другой – ее продолжение, а значит изменение старого. "Новое есть давно забытое старое" – подходит сюда. Благодаря такому устройству нового, т.е. новому-старому, вы видите, почему делаются изменения такие, а не другие, как выводится новое из старого, и как видится старое из нового.

Например, прежнее простое число 3 теперь нижний этаж двухэтажного числа (3, 4), оно стало простым и составным в зависимости от нашего выбора. Такое решение, где новое есть продолженное старое является доступным, т.к. имеется переход от старого к новому и от нового к старому. Только такое решение, доступное, может служить эстакадой, ведь по нему должны объезжать тупик, катастрофу все, а не элита. Считается, что проблему Ферма решил английский математик Уайлс.

Оно недоступно для понимания из-за сложности не только школьникам, но и профессиональным математикам. Для эстакады оно не годится. Но хуже то, что это решение не расширяет математическую истину. Оно одностороннее.

Утверждается, что теорема Ферма верна, а противоположная ей теорема Анти-Ферма будет неверна? А, может, тоже верна? Сравните с Лобачевским, который открыл новую геометрию, противоположную Евклидовой геометрии, тоже истинную. Он расширил геометрическую истинность, сделал ее двусторонней, и ввел двусторонность, русскую идею в математику. Решение теоремы Ферма двухэтажное, коллективно-индивидуальное, доказывает истинность и теоремы Ферма и Анти-Ферма. Из нее следует, что есть другие арифметики, кроме нашей обычной, и я о них вам рассказал. И другие геометрии, о которых тоже рассказал. Хватит этого для гарантии? Есть другие этажи, другие эстакады, чтобы обойти катастрофу и выйти из нее. Есть, но надо их построить. Ведь задача в том и состоит, чтобы распространить двустороннюю правду, диалектику, русскую идею и в другие области точной науки и гуманитарной науки. Распространить коллективизм, братство, единение, христианскую нравственность в науку и искусство.

Вот какую цель ставил Толстой, и над осуществлением которой он работал, и ради которой он оставил художественное творчество. Он говорил: "В наше время общее религиозное сознание людей есть сознание братства людей и блага их во взаимном единении. Истинная наука должна указать различные образы

приложения этого сознания к жизни. Искусство должно переводить это сознание в чувство. Такое искусство должно устранить насилие". То, что я называю двусторонним сознанием, расширенным сознанием, Толстой называет религиозным сознанием. Он говорит: "Надо надеяться, что та работа, попытку которой я сделал об искусстве, будет сделана и о науке". Моя работа делает такую попытку, о которой говорит Толстой, в области науки. Иначе говоря, стоит задача – внедрить диалектику в науку и искусство. "Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники" – слова Ленина. Та же цель.

Почему именно эта цель – внедрение диалектики столь важна, мы убедились, решая конкретные задачи. Это метод получения нового из старого. Творческий метод. Следовательно, решая эту задачу, общество переходит в другое качество: от общества потребления к обществу созидания. Коммунисты Китая выдвигают сейчас новый лозунг: "Не сделано в Китае, а создано в Китае". Это значит разработка и внедрение диалектики. У нас – это двусторонняя правда, русская идея – наша диалектика. Ее реализация математическая, эстакада математическая, будем считать построена.

Парадоксальное положение. Мы не можем догнать, а обогнать можем. Юрий Андропов сделал еще одно признание: "Как нам повернуть нашу науку лицом к народному хозяйству?" Признание того, что наука оторвалась от жизни. Наука без ученых не бывает. Ученые оторвались от жизни. Ученые без метода, все равно, что солдаты без оружия. Их оружие – диалектика. Ее они потеряли. Предлагается снова вернуться к ней, но в новом качестве двусторонней правды или русской идеи – все равно. Или религиозного сознания по Толстому.

Вот такое "новое мышление", жаль, не смогли предложить ни ГКЧП, ни Горбачев, ни кто другой в то время. ▲